

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Виктор Голявкин

**ТЕТРАДКИ
ПОД ДОЖДЁМ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Виктор Голявкин
Тетрадки под дождём

Издательство «Детская литература»

2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Голявкин В. В.

Тетрадки под дождём / В. В. Голявкин — Издательство «Детская литература», 2009 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-004456-4

Весёлые и поучительные рассказы и повести известного детского писателя для детей младшего школьного возраста. Автор тепло, с добрым юмором рассказывает о жизни современных детей, об их проблемах, увлечениях, интересах. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-004456-4

© Голявкин В. В., 2009
© Издательство «Детская
литература», 2009

Содержание

Светлое слово	6
Рассказы	9
Тетрадки под дождём	10
Всему своё место	10
Тетрадки под дождём	11
Яндреев	12
Я пуговицу себе сам пришил!	13
Как я под партой сидел	14
Передвижение комода	15
Болтуны	16
Как мы на самолёте летали	17
Лукьян	18
И мы помогали	19
Язык	20
Привычка	21
Как я писал стихи	22
Как я помогал маме мыть пол	23
Новая рубашка	24
Все куда-нибудь идут	25
Неохота всё время пешком ходить	26
Был не крайний случай	27
Моя работа	28
Никакой я горчицы не ел	29
Путешественник	32
Друзья	34
В любом деле нужно уметь работать	34
Пара пустяков	36
А сегодня ей опоздать нельзя	38
«Козёл-баран»	39
Второклассники и старшеклассники	40
Пятнадцать третьих	41
Крути снежные вертя	42
Дело не в том, что я мяч не поймал	43
Пароход и лошадь	44
Абсолютно верно	45
Как я встречал Новый год	46
Друзья	48
Так всегда бывает	49
Кисель	50
Больные	51
Вязальщик	52
Я смотрю в окно	53
Тыква в сундуке	54
Птичка	55
Коньки купили не напрасно	56
В шкафу	57

Секрет	59
Мы играем в Антарктиду	61
Про металлолом	63
Как я всех обмануть хотел	64
Как тётя Фрося разрешила спор	65
Кому что удивительно	66
Судьба одной коллекции	67
Удивительная профессия	69
Карусель в голове	71
Карусель в голове	71
Не-а...	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Виктор Голявкин

Виктор Владимирович Голявкин
(1929–2001)

Тетрадки под дождём
Рассказы и повести

Светлое слово

Первая книжка Виктора Голявкина «Тетрадки под дождём» вышла в 1959 году в ленинградском издательстве Детгиз. С тех пор каждый год выходили книги писателя в разных издательствах и в разных городах мира. Вот и ещё одна книга с рисунками автора выходит накануне семидесятилетия писателя.

Писатель и художник Виктор Владимирович Голявкин родился 31 августа 1929 года в городе Баку в русской семье педагогов-музыкантов.

Отец, Владимир Сергеевич Голявкин, москвич, в Московском синодальном училище получил начальное музыкальное образование под руководством знаменитого впоследствии дирижёра Н. С. Голованова. В Гражданскую войну он воевал в легендарной 25-й Чапаевской дивизии. В составе кавалерийской части освобождал Баку от иностранных интервентов. После гражданской войны Владимир Сергеевич окончил бакинскую консерваторию и работал в музыкальных школах и училищах Азербайджанской республики.

Мать, Любовь Николаевна, родилась в Баку в семье петербургского межевого инженера, работавшего на Апшероне в качестве специалиста по землеустройству, была музыкально образованна и преподавала музыку детям.

Троих сыновей родители учили музыке. Но старший сын Виктор с самого детства хорошо рисовал. Во время Великой Отечественной войны, когда отец был на фронте, его карикатуры, высмеивающие фашистов, даже печатали в «Боевом листке», в газете «Бакинский рабочий».

Отец вернулся с войны и продолжал работать в музыкальных школах. Виктор готовился стать художником. Видно, он считал, что прежде всего ему надо оторваться от семьи, где «всё время играли и пели». Он садится на пароход и уезжает в Самарканд – старинный восточный город, где в то время жил его друг. Здесь Виктор поступает в художественное училище.

Вот отрывок из письма отцу. Этому письму тоже полвека. Оно как документ о месте, времени и человеке.

«Выехал я из Баку 26 июля, плыл сутки на пароходе (до Красноводска. – Л. Б.)... и трое суток на поезде (так тогда ходили поезда. – Л. Б.). В вагоне узбеки угощали меня дынями и арбузами, а я рисовал их. В Самарканд приехал в 10 часов вечера. Пять дней мы с другом были вместе, смотрели город, старинные памятники. Потрясающее впечатление произвёл на меня этот город. Всюду узбеки, туркмены – все в национальных костюмах ярких цветов, всё кругом пестреет, играет на сильном, жгучем солнце. Кругом цветастые халаты, красивые тюбетейки, паранджи... изумрудно-ультрамариново-бирюзовые памятники, отделанные красивейшими орнаментами из разноцветных камней. Небо синее-синее, и солнце оранжевое... Богатая земля! Вот где должен работать художник! Очень сильная жара, в тени прохладно. Всюду течёт вода по арыкам, кругом небольшие озёра, возле которых расположены чайханы, и все здесь пьют чай из красивых пиал... В городе настроение праздничное... Очень много фруктов. Хлеба полно, но здесь все кушают чореки (лепёшки). Скоро будет всё совсем дёшево – виноград, дыни, арбузы...»

Вскоре училище переводят из Самарканда в Ташкент. Молодой художник странствует по Средней Азии и заканчивает уже в Душанбе (Сталинабаде) художественное училище с отличием.

Он уже ходил по музеям и выставкам столицы и готовился продолжить своё художественное образование в Москве, но пути привели его в Ленинград – «самый художественный город», средоточие западноевропейского искусства. Виктор восхищается им, шедеврами Эрмитажа, художниками Тинторетто, Рафаэлем, Пикассо, Ван-Гогом...

В Ленинграде Голявкин поступает в Академию художеств и остаётся в этом городе навсегда.

Ленинград – гранитный, северный, холодный город – пережил революции, войны. В то время, когда Голявкин появился здесь, ещё свежа была память о девятисотдневной блокаде. Виктор Голявкин сочувствовал ленинградцам. Наверно, ему хотелось порадовать, развеселить людей. Он писал короткие, простые для чтения, весёлые рассказы. Их героями были самые обыкновенные встречные, прохожие люди. Он писал рассказы сначала для взрослых, а потом и

для детей. А поскольку сам писатель с высшим художественным образованием, то сам рисовал свои книги. Его жизненный опыт очевиден в рассказах и повестях.

Впечатления о военном детстве писателя прочитываются в очень серьёзной, печальной повести «Мой добрый папа», написанной от лица маленького мальчика. Автор протестует против войны, от которой страдают люди, особенно дети. Это одна из лучших повестей о войне в детской литературе.

«Была победа. Салют. Радость. Цветы. Солнце. Синее море...
Возвращались домой солдаты. Но мой папа, мой добрый папа, он никогда не
вернётся».

Всего несколько простых слов понадобилось автору, чтобы выразить «радость победы и горечь поражений», но от их сочетания перехватывает горло.

Слишком трогательной, «сентиментальной» казалась при первом издании повести в начале шестидесятых последняя фраза. Редакторы советовали автору вычеркнуть её. Пусть, мол, от победы останется Радость, а печали не надо. Автору пришлось отстаивать свою последнюю фразу, свои несколько слов, от которых на глаза наворачиваются горькие слёзы. Пусть лучше не будет войн, а слова останутся. Войны бывают, когда у людей не хватает слов.

Повесть «Рисунки на асфальте» про то, как становятся художником. Удивительная, страстная жизнь детей наполнена важными, значительными событиями. Иногда автор подсмеивается над своими героями. Но юмор его добродушный, светлый, тёплый, обращённый с любовью и сочувствием к маленькому человеку.

А уж рассмешить читателя Голявкину удаётся всегда. Взять хотя бы великолепный отрывок из повести, где... «Младший сын Петра Петровича укусил собаку... Собака страшно завизжала, а малыш испугался и заплакал... „Уберите собаку! Она укусила моего сына!“... „Ничего подобного! Собака не трогала вашего сына... Ваш сын подошёл и укусил её!“ Он подошёл к ней вот так... В это время испуганная собака подумала, что с ней хотят что-то сделать, и она, не долго думая, укусила этого дядьку за нос. Дядька страшно заорал, а хозяин собаки говорит: „Зачем вы к ней лезли? Она вас трогала? Не трогала! Тогда зачем вы к ней лезли?...“»

Эпизод написан всего на половине странице, а будто действует в нём целая толпа людей с детьми и собаками, и каждый со своим характером, даже собака.

Так писатель замечает детали обыденной жизни и силою таланта претворяет в художественное произведение.

Он не старается угодить политическим и общественным настроениям. Мальчики, девочки да и взрослые в его рассказах и повестях – не бедные, не богатые, не рабочие, не крестьяне... Они говорят и действуют по внутреннему порыву, по своей воле – искренне, щедро, бескорыстно...

Кто-то сочтёт это достоинством произведений Голявкина, кто-то – недостатком, но автору виднее.

Л. Бубнова

Рассказы

Тетрадки под дождём

Всему своё место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу – навстречу идёт наш учитель.

– Как дела? – говорит. – Догоняешь ветер?

– Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу: какой ответ получился.

А я что скажу? Ведь я ещё не успел решить».

А он:

– Хороша погода...

– Ну да, – отвечаю, – конечно... – А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

– Нос-то у тебя красный! – И смеётся.

– У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

– Что ж ты, – говорит, – так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

– А что мне с ним делать?

– Продать его и купить новый.

– Это вы шутите.

Он опять смеётся.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

– А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождём

На перемене Марик мне говорит: – Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

– А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?

– Нужно портфели в окно побросать. Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть подальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет:

Пропали наши тетрадки

Я ему отвечаю:

Пропали наши тетрадки

Он мне пишет:

Что делать будем?

Я ему отвечаю:

Что делать будем?

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то сегодня ты странный...

Яндреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам: – Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Ещё увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Я пуговицу себе сам пришил!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я её криво пришил, но ведь я её сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я всё сам делаю – пуговицу себе сам пришил...

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу. «Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

– В чём дело? Ты к доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел...

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Передвижение комода

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на «отлично». Её ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришёл в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на неё.

– Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила всё по порядку.

– У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!» А учитель сказал:

– Раз такое дело, это совсем другое дело. – И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

– У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

– Что вы, что вы! – сказала мама. – У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

- Это я, – сказал он. – Похоже?
- Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.
- А какие же у меня уши?
- Как у осла.
- А у тебя нос – как у бегемота.
- А у тебя голова – как еловая шишка.
- А у тебя голова – как ведро.
- А у тебя во рту зуба нет...
- А ты рыжий.
- А ты селёдка.
- А ты вуалехвост.
- А что это такое?
- Вуалехвост – и всё.
- А ты первердер...
- Это ещё что значит?
- Значит, что ты первердер.
- А ты дырбыртыр.
- А ты выртырвыр.
- А ты rrrrrrrr...
- А ты zzzzzzz...
- А ты... ы! – сказал Юра и увидел рядом учителя.
- Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же всё-таки вы такие?

Как мы на самолёте летали

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-лётчики пригласили.

Весь класс наш в один самолёт уместился. Прямо дом, а не самолёт! Хочешь – сиди, хочешь – стой, что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолёт, он почему-то вдруг перестал петь.

– Летим уже? – спрашивает. – Или нет?

Кто-то как закричит:

– Летим! Летим!

– Я боюсь, – говорит Валерка. – Зачем я только в кино не пошёл! – И зубами стучит.

Я ему говорю:

– С непривычки это бывает.

– А ты раньше летал? – спрашивает Валерка.

– Я на катере ездил. А это почти что одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам лётчик. Улыбается, спрашивает:

– Ну как?

Валерка как заорёт:

– Ой, идите за руль! Самолёт упадёт! – И заплакал.

Лётчик смеётся:

– Не беспокойся. Там ведь ещё лётчик есть.

Валерка перестал плакать.

– Эх ты, плакса! – говорит лётчик. – Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

– Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А лётчик не отстаёт:

– Они даже смотреть на тебя не хотят; эх ты, трусишка!

Мишка Колосов говорит:

– Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Лёнька Скориков говорит:

– Это он, наверное, от страха пел.

Тут самолёт на снижение пошёл.

Вышли мы из самолёта.

– Эх, – говорит Валерка, – хорошо бы ещё покататься.

– Вот и прекрасно, – улыбается лётчик, – сейчас будем на вертолёте кататься.

Я обернулся – нет Валерки.

– Где Валерка? – спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошёл!..

Лукьян

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждёт, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

– Лукьян...

Катя думала, ей подсказали, и повторяет:

– Лукьян...

– При чём тут Лукьян?! – удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

И мы помогали

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

– Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

Язык

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел. Очень нужно работать!

Но сидеть надоело.

Он кошку увидел.

Поймал её.

Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, подул на неё, скорчил несколько рож, спел три песни, язык показал.

Она его цап лапой по языку!

Он сразу петь перестал.

Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...

Лучше поздно, чем никогда!

Привычка

Не успели приехать в пионерлагерь, а уже тихий час! Не хочется человеку спать – так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью – ещё днём спи. Тут бы пойти искупаться в море – так нет, лежи, да ещё глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснёшь».

На другой день я как только лёг, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

– Это что ещё за певец такой?

Я ему отвечаю:

– Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

– А если все запоют, тогда что будет?

– Ничего, – говорю, – не будет.

– Тогда сплошное пенье будет, а не сон.

– А может быть, тогда все уснут?

– Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

– Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

– Закроются, – говорит, – вот увидишь.

– Нет, не закроются, я себя знаю.

– У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

– Потому что я так привык.

– А ты попробуй не вслух пой, а про себя. Тогда ещё скорее уснёшь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

Как я писал стихи

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю – получается в рифму. Вот, думаю, новость! Талант у меня открылся. Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришёл в восторг.

– Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льётся солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Сегодня с утра идёт дождь, – сказал Женька, – а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и всё такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы всё равно бодры и всё такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но наконец получилось:

Льётся дождь
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Не везёт тебе, – говорит Женька, – дождь-то кончился – вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

– Смотри, вон солнце опять показалось. Тогда я сразу понял, в чём дело, и на другой день принёс такое стихотворение:

Льётся солнца луч
На голову мне,
Льётся дождь
На голову мне,
Ничто не льётся
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, – говорит, – у тебя...»

– Посмотрим, как не получится!

Трах! – опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три – и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру – ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешешь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

– Что такое, – кричит, – почему вода?

– Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

– Какой насос?

– Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

– Ничего. Ты мне всё же помог.

Новая рубашка

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки. Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперёд, поглядывая на окна.

Шёл с работы мой старший брат.

– О, – сказал он, – какая прелесть! Только смотри не простудись.

Он взял меня за руку, привёл домой и надел мне рубашку поверх пальто.

– Теперь гуляй, – сказал он. – Какая прелесть!

Все куда-нибудь идут

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

– Я иду в первый класс.

Вова сказал:

– Я во второй класс иду.

Маша сказала:

– Я в третий класс иду.

– А я? – спросил маленький Боба. – Выходит, я никуда не иду? – И заплакал.

Но тут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

– Я к маме иду! – сказал Боба.

И он пошёл к маме.

Неохота всё время пешком ходить

Неохота всё время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошёл. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажу на корточках. За борт машины держусь руками.

Трясёт всюю! Боюсь, шофёр меня заметит – ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня – в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул – и бежать.

Хотелось всё же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

– Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

– Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шёл пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

Был не крайний случай

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

– Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

– А если я не запомню?

– Пиши, как запомнишь.

– А третий раз ни за что нельзя?

– В крайнем случае – можно.

Пришел я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать – через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

– Этот случай не крайний, – сказал папа. – Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

– Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

– Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Моя работа

Старший брат мастерил приёмник, а младший ходил вокруг и мешал.

– И я работать хочу, – просил он.

– Вот пристал, – сказал старший брат. – На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашёл кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук – вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

– А ну-ка, – сказал старший брат, – дай сюда. – И прибил фанеру к приёмнику.

– Вот и всё, – сказал старший брат, – готов приёмник.

Младший вышел во двор и привёл ребят.

– Это я сделал. Моя работа!

– Весь приёмник сделал?

– Не весь, конечно, но главную часть. Без неё приёмник бы не работал.

Никакой я горчицы не ел

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой – сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю – машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

– Поломалась?

Молчит шофёр.

– Поломалась? – спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

– Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

– Угадал, – говорит, – поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

– Да я... не умею...

– Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

– Как с патентом?¹

Другой говорит:

– Хорошо с патентом.

«Что это, – думаю, – патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

– Гляди-ка, парень как рот раскрыл.

И ко мне обращается:

– Что тебе?

– Мне ничего, – отвечаю, – я просто так...

– Тебе нечего делать?

– Ага.

– Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

– Вижу.

– Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

– Как это?

– А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

– Не смешно, – говорю, – а вы смеётесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

– Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

– Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

¹ Патент – документ, дающий изобретателю исключительное право на изобретение.

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...
О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит.

– Не тронь метлу!

– Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

– А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

– Куда лезешь? Эй!

Смотрю – нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься – опять:

– А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

– Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел – рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

– Плати, мальчик, снова.

– У меня больше денег нету. Только три копейки было.

– Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

– Ой, мне далеко пешком идти!

– А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

– Откуда вы знаете?

– Я всё знаю. По тебе видно.

– А чего видно?

– Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

– Никакой я горчицы не ел...

– Всё равно сходи. Прогульщиком я не вожу бесплатно. – А потом говорит:

– Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем не знакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшиками землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

– В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

– Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

– Ты что?

– А что?

– Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

– Что с тобой?

– А чего?

– Что ты мне рожи строишь?

– На экскаваторе покатайте меня.

– Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

– Я тоже, – говорю, – хочу не нём работать.

Он говорит:

– Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

Путешественник

Я твёрдо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живёт Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу – они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я её тоже сунул в сумку. Еле-еле всё поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов, можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» – и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

– Мы едем? – И снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошёл к окну. Вот наш дом, наши белые занавески, наше бельё висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала.

А когда поезд пошёл совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

– Тебя как зовут? – спросил военный.

– Саша, – сказал я чуть слышно.

– А что же бабушка спит?

– А кто её знает!

– Куда путь держишь?

– Далеко...

– В гости?

– Угу...

– Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

– На пару недель, – сказал я серьёзно.

– Ну что же, – сказал военный, – очень даже неплохо.

Я спросил:

– Вы в Антарктиду?

– Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

– Откуда вы знаете?

– Все хотят в Антарктиду.

– И я хочу.

– Ну вот видишь!

– Видите ли... я решил закаляться...

– Понимаю, – сказал военный, – спорт, коньки...

– Да нет...

– Теперь понимаю – кругом пятёрки!

– Да нет, – сказал я, – Антарктида...

– Антарктида? – переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушёл в другое купе. Проснулась старушка.

– Не болтай ногами, – сказала старушка.

Я пошёл посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже – навстречу шла Мурка. А я и забыл про неё! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад – я за ней. Она забралась под чью-то полку – я тоже сейчас же полез под полку.

– Мурка! – кричал я. – Мурка!

– Что за шум? – закричал проводник. – Почему здесь кошка?

– Это кошка моя.

– С кем этот мальчик?

– Я с кошкой...

– С какой кошкой?

– С моей.

– Он с бабушкой едет, – сказал военный, – она здесь рядом в купе.

Проводник повёл меня прямо к старушке.

– Этот мальчик с вами?

– Он с командиром, – сказала старушка.

– Антарктида... – вспомнил военный. – Всё ясно... Понимаете ли, в чём тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И ещё что ты взял с собой, мальчик?

– Лимон, – сказал я, – и ещё бутерброды...

– И поехал воспитывать свой характер?

– Какой плохой мальчик! – сказала старушка.

– Безобразие! – подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У неё из глаз даже слёзы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

– Бери кошку, – сказал проводник. – Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

Друзья

В любом деле нужно уметь работать

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошёл записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! – говорят. – Вот это удар!» Я всё ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!» – «Насквозь?» – удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришёл первым в секцию. И записался. И ещё ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксёр!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс – дело серьёзное. Пусть все об этом подумают. А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьёзное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

– Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошёл и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришёл больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне всё это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию.

Только Мишку спрашивал:

– Каково? Всё руками машете?

Я всё смеялся над Мишкой. Дразнил его. И всё спрашивал:

– Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

– Никаково.

Однажды он мне говорит:

– Завтра спарринг.

– Чего? – говорю.

– Приходи, – говорит, – сам увидишь. Спарринг – это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

– Ну работай, работай, – я говорю. – Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день.

Тренер спрашивает:

– Ты откуда?

– Я, – говорю, – здесь записан.

– Ах, вот оно что!

– Я в спарринг хочу.

– Ну! – сказал тренер.

– Ну да! – сказал я.

– Всё ясно, – говорит тренер.

Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.

– Слишком ты боевой, – сказал он.

Я сказал:

– Разве это плохо?

– Хорошо, – сказал он. – Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся – и сам упал. Значит, опять промахнулся.

Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

– Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чём дело.

А тренер говорит:

– Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

– Мне с ним неинтересно работать.

Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.

– Нет, – говорит Мишка, – я с ним работать не буду. Он всё время падает.

Я говорю:

– Я не всё время падаю. Я ему дам сейчас!

А он мне в нос как даст снова!

И я опять на пол сел.

А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:

– Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.

Я говорю:

– Ничего нет смешного... Я сейчас встану...

– Как хочешь, – говорит Мишка, – можешь и не вставать, это вовсе не важно...

Пара пустяков

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

– Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

– Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал – пять страниц.

Он написал:

«Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: „Если б не ты, я бы утонул“. А я ему сказал: „Для меня это пара пустяков“. А он сказал: „А для меня не пара пустяков“. Я сказал: „Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков“. Он сказал: „Спасибо тебе большое“. Я сказал: „Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков“.

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: „Только, прошу вас, без этого“. Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно. „Вперёд! – сказал я сам себе. – Непременно там кто-нибудь есть!“

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько – впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. „Спасибо за Мурку, – сказали они. – Мы только что из продмага“. Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу. „Разрешите, пожалуйста, – сказал я, – перевести вас на другую сторону“. Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: „Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне“.

Они все говорили мне: „Если бы не ты, мы не перешли бы“. А я говорил: „Для меня это пара пустяков“.

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: „Нам туда не нужно“. А когда я сказал, почему бы им

не прогуляться, они сказали: „Действительно, почему бы нам не прогуляться?“ Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрашивал».

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

– Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, – думал Клим. – В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, – подумал Клим. – Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: „Ой, это он! Смотрите!“ А я скажу: „Ну и что же? Для меня это пара пустяков“.»

А сегодня ей опоздать нельзя

Кто Валю не знает? Всегда опаздывает на линейку. А тут вдруг до сигнала явилась.
Стоит одна, улыбается. Не шелохнётся, руки по швам. Ждёт звука горна.
Удивляются ребята. Удивляется вожатый.
Только Валя не удивляется.
Сегодня ей опоздать нельзя.
Вчера она помогала на кухне.
Начистила целый таз картошки.
Сегодня ей благодарность вынесут!

«Козёл-баран»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поём. Я вообще люблю песни петь, только слов я иногда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало. И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

– Пожалуйста, я вас прошу погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

– С удовольствием! – И заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козёл-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козёл-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

– Хорошо было слышно?

– Хорошо, – говорю, – очень даже!

– А теперь, – говорит, – я играть буду тихо. А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно...

Второклассники и старшекласники

Второклассники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябрёнок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

– Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натёрли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть – это каждый знает. Разрешите, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшекласники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестикласники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натёрли пол в коридоре. И мы благодарны второму „А“, который пришёл нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберёмся и все вместе, всем коллективом, натрём пол до блеска. Пусть второклассники не беспокоятся. Всё будет сделано. Мы всё сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натёрли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второклассники, извиняемся. Мы без разрешения натёрли пол. Не переживайте. Мы всё сделали сами».

Пятнадцать третьих

Все столпились возле бильярда.

– Довольно играть просто так, – сказал он. – Я играю на третье. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну не важно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

– Чай! Чай!

Даже повар сказал:

– Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвёртый...

– Стойте... – сказал он. – Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжело вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку.

Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

– Живот не хватать, – сказал он, – нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, таращил глаза и икал.

Позвали вожатого.

– Что с ним такое? – спросил вожатый.

– Да вот чаю попил, – сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

Крути снежные вертя

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.
Я отложил книжку в сторону и с выражением прочёл:

Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова: Буря мглою...
Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Всё получалось как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочёл:

Утро воет небо могилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чём тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

— Не нужно зубрить, — сказал старший брат, — разберись, в чём там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и чётко прочёл:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

Дело не в том, что я мяч не поймал

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг гляжу – Таня идёт.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И всё из-за солнца вышло. Солнца-то не было. Я из-за позы всё.

И тут мне – бац! – гол забили.

Я прыгнул – поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никудышный? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать. Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

Пароход и лошадь

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, всё как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом – флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывёт по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

– Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

Абсолютно верно

Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятала завтрак в парту.

– Что будет, – сказал учитель, – если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

– Будет очень смешно!

Миша сказал:

– Жеванье будет!

Маша сказала:

– Все сытые будут!

– А чего не будет? – спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет – никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

– Урока не будет!

– Абсолютно верно! – сказал учитель.

Как я встречал Новый год

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама и тётя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарила подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

– Ты его встретила?

Мама мне говорила:

– Встретила.

– И ты его видела?

Мама смеялась.

– Конечно, видела!

– И папа видел, и тётя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, всё дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати. И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то, что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

– Его не было.

– Как так не было?! – сказал я.

– Очень просто.

– А ты там не спал под столом? – спросил я.

– Вот ещё! – говорит Котька. – Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!» – я вылез.

– Кого же тогда вы встречали?

– Новый год, – говорит Котька.

– Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

– Сам увидишь, – говорит Котька. – На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

– Наверно, ты спал под столом, – говорю, – и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

– Я не спал, – говорит Котька.

– Значит, спал, – говорю, – раз не видел.

– Ты сам спал, – говорит Котька.

– Я-то спал, – говорю, – но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты – под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

– Я не спал, – говорит Котька.

- Почему же тогда ты его не видел?
 - Его не было, – говорит Котька.
 - Ты просто спал, – говорю, – вот и всё!
- На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушёл. И хотя он на меня обиделся, всё равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так я себе представлял Новый год, когда был совсем ещё маленький.

Друзья

Андрюша и Славик друзья.

Они всё делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

Когда Славик пошёл вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

– Это Славик сделал.

А Славик сказал:

– Это всё Андрюша...

Так всегда бывает

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой.

Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки. Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:

– Смотрите-ка, он сам с собою играет!

Разве я сам с собою играю? Я со стеной играю.

Пёс Катушка ко мне привязался, вокруг бегают, машет хвостом.

А Гога кричит:

– Ой, глядите, с Катушкой играет!

– Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной играет.

И продолжаю играть.

Играю себе и играю.

Вдруг пёс Катушка – цап мячик! – и всё...

Превратился мячик в лепёшку.

А Гога орёт:

– Так всегда бывает!

Врёт, наверное...

Кисель

Одному пионеру в пионерский лагерь мама привезла кисель. Она привезла его в маленьком жбанчике.

Надо сказать, она зря привезла. Там прекрасно кормили. Четыре раза. И, в общем, кисель был совсем ни к чему.

Но раз она привезла его, сын взял кисель, чтобы мать не обидеть. И обещал непременно съесть. Чтоб к учебному году поправиться.

Этот мальчик, его звали Федя, был добрый. Он взял этот жбанчик, принёс к ребятам и прямо сказал:

– Кому надо кисель?

Но ребята все были сыты. Они ему прямо сказали:

– Мы не хотим.

Тогда он стал думать, куда деть кисель, раз уж так получилось. Но он ничего не смог придумать. Поставил жбанчик на тумбочку. А сам пошёл прогуляться.

Он гулял, бегал, поужинал.

А вечером он пошёл спать.

Перед сном подумал о жбанчике. Но не надолго. Он скоро уснул.

Ночью проснулся, опять видит – жбанчик. Что делать? Не выливать же кисель!

Тогда он решил: «Днём нас кормят. А ночью не кормят. Вот самое время съесть кисель!»

Он немного отпил из жбанчика. И разбудил соседа.

Тот, правда, не понял, в чём дело. Но выпил всё остальное.

После этого оба заснули.

А к учебному году поправились.

Больные

У тебя правда нога болит?

– Никакая нога у меня не болит! А у тебя в животе правда колет?

– Ничего у меня в животе не колет. Ловко мы с тобой в классе остались!

– Ребята сейчас там на физкультуре прыгают, а мы с тобой сидим – красота!

– Эх, хорошо просто так сидеть!.. Давай через парту прыгать!

Вязальщик

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

– Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!..

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

– Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

– Вон вязальщик пришёл!.. Эй, вязальщик! Вязальщик пришёл!..

Представляете, какой ужас?!

Но я вязать продолжал. Всё равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

– Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой жёлтый свитер с полосками. Полоски зелёные. Очень красиво. Правда, бабушка помогла. Но в основном я всё сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят.

Потом Шурик вдруг говорит:

– Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

– Вот это свитер!..

Я не выдержал, говорю:

– Сам связал!

– Да ну? – удивились ребята.

– Уж что-что, – говорю, – а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

Никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Я смотрю в окно

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет. Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берёт булку и суёт в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он её запихать всю в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и всё жуёт и жуёт.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поёт он не очень громко, но я слышу, как он поёт:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. Но доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поёт всё громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел. Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жуёт. Он не может сжевать свою булку. Ещё бы! Правда, булка не очень большая, но сразу её не сжуёшь.

– Вы поняли? – говорит папа.

– Поняли! – кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

– Все списали? – говорит папа.

– Все! – кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

– Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все. Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идём домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты и вот так на уроке пихать булку в рот и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идём домой.

Тыква в сундуке

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я её сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, её надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с неё не спускал.

– Смотри, как выросла! – кричу маме. – Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось – как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я всё мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву не выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас ещё не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат её на полочку, прибьют рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я её вырастил. И может быть, дадут премию.

Я всё рассуждал о тыкве. Всё поливал её. И всё спрашивал папу и маму, правильно ли я расту тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

– Надоела мне, – говорит, – ваша тыква. Она меня просто с ума сведёт. Всё время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой!.. Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил всё сосед Алька.

– Что это? – спросил он. – Тыква?

– Конечно, – сказал я, – а ты что думал?

– Я думал, – сказал он, – что это орех.

– Какой орех?! – возмутился я.

– Какая же это тыква?

Он привёл меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

– Сами вырастили, – сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:

– Моя тыква – сундучная. Я её в сундуке растил!

Птичка

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу, крадётся куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадётся? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошёл. Вдруг кошка – прыг! Гляжу, у неё в зубах птичка. Воробышек. Я хватъ кошку за хвост и держу.

– А ну, отдай птичку! – кричу. – Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку – и бежать.

Принёс я птичку в класс.

Кусочек хвоста у неё оторван.

Все окружили меня, кричат:

– Глядите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

– Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня подержать дать. Но я её никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат:

– Лови! Лови!

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас её. А это самое главное.

Коньки купили не напрасно

Яне умел на коньках кататься. И они лежали на чердаке. И наверное, ржавели.

Я очень хотел научиться кататься. У нас во дворе все умеют кататься. Даже маленький Шурик умеет. Мне было стыдно выйти с коньками. Все смеяться будут. Пусть уж лучше коньки ржавеют!

Однажды папа сказал мне:

– Коньки я тебе купил напрасно!

И это было справедливо. Я взял коньки, надел их и вышел во двор. Каток был полон. Кто-то смеялся.

«Начинается!» – подумал я.

Но ничего не начиналось. Меня пока не замечали. Я вышел на лёд и упал на спину.

«Сейчас начнётся», – подумал я.

С трудом поднялся. Мне было трудно стоять на льду. Я не двигался с места. Но самое удивительное было то, что никто, абсолютно никто не смеялся, не показывал на меня пальцем, а, наоборот, Маша Кошкина подбежала ко мне и сказала:

– Дай руку!

И хотя я упал ещё два раза, а всё равно был доволен. И я сказал Маше Кошкиной:

– Спасибо, Маша! Ты научила меня кататься.

А она сказала:

– Ой, что ты, что ты, я только тебя держала за руку.

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я. Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щёлочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

– Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался – тишина кругом.

Я опять:

– О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

– Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

– Тётя Ньюша, я здесь!

– Где ты, родименький?

– В шкафу я! В шкафу!

– Как же ты, милый, туда забрался?

– Я в шкафу, бабуся!

– Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

– Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч – наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

– Там нет никого, – сказал Пал Палыч.

– Как же нет. Есть, – сказала тётя Ньюша.

– Ну где же он? – сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

– Я здесь!

– Кто ты? – спросил Пал Палыч.

– Я... Цыпкин...

– Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

– Меня заперли... Я не забрался...

– Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

– Слышу...

– Ты давно там сидишь? – спросил Пал Палыч.

– Не знаю...

– Найдите ключ, – сказал Пал Палыч. – Быстро.

Тётя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

– Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мученье! Что было мне отвечать?

Я молчал.

– Ты живой там? – спросил Пал Палыч.

– Живой...

– Ну сиди, скоро откроют...

– Я сижу...

– Так... – сказал Пал Палыч. – Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

– Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

– Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Нюша сказала:

– Ключ унёс староста класса.

– Вломайте дверь, – сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, – шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

– Ну, выходи, – сказал директор. – И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

– Почему он стоит? – спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Секрет

У нас от девчонок секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был ещё секрет: мы собирали гвозди. Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже не помню, сколько их было. И ни одна девчонка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чём не спрашивали, но ведь это ничего не значит! До чего хитрые всё-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошёл мимо несколько раз, и она на меня покосилась.

Я ещё походил по двору, а потом подошёл к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул.

Я ещё раза два вздохнул, она опять только покосилась, и всё. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

– Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

– Не беспокойся, – отвечает, – не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

– А мне-то чего, – говорю, – проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

– Тайну? – говорит. – Какую тайну?

Смотрит на меня и ждёт, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

– Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

– Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

– Ха, – говорю, – вот ещё не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу – она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

– Ладно. Тайна при мне останется. – И усмехнулся так, чтобы она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

– Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то! Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово всё перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

– Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе всё рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

– Дело тут непростое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк, и если бы я тебя знал получше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось – долго и много говорить. Когда я кончил, её рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Её плечи дрожали. Я слышал всхлипыванья.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно всё доверить. Я это сразу понял.

– Видишь ли... – сказал я, – если ты... дашь слово... и поклянёшься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

Мы играем в Антарктиду

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. Словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

– Зимовщики не сидят так всё время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

– Наверняка, – сказал я, – они ловят китов, тюленей и что-нибудь ещё делают. Конечно, они не сидят так всё время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

– Вот тюлень!

– Ура! – крикнул Витька. – Хватай его! – Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделать! Мы ничего не могли поделать. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

– Она здесь! – орал Витька. – Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги.

Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

– Я вылезаю, – сказал я. – Здесь кошки нет.

– Здесь она, – доказывал Витька. – Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька всё под кроватью возился.

– Она там, – твердил Витька.

– Ну и пусть, – сказал я. – Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

– Подумаешь! – сказал Витька. – А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

– Вот она! – крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было её не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг – и на шкаф! Попробуй её достань со шкафа!

– Какой же это тюлень, – сказал я. – Тюлень разве может сидеть на шкафу?

– Пусть это будет пингвин, – сказал Витька. – Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во всё горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

– Давай, – говорю, – в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули ещё три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и ещё много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

– Может быть, её нет на шкафу? – сказал я.

– Там она, – сказал Витька.

– Как же там, раз её там нет?

– Не знаю! – говорит Витька.

Витька принёс таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы ещё кое-что покидали на шкаф. Подождали – не прыгнет ли? Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

– Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

– До чего удивительно, – говорит мама, – что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать всё самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

Про металлолом

Толик вёз по улице старую заржавленную кровать. А Маша везла старый заржавленный якорь. Они везут это в школу, поскольку – металлолом. Толик говорит:

– В моей кровати весу больше, чем в твоём дурацком якорь. Значит, я больше тебя собрал.

Маша говорит:

– Это ещё неизвестно. Мой якорь весь полный, а кровать твоя надутая.

Толик даже остановился.

– Как это то есть надутая?

– Очень просто: мой якорь сплошной, а кровать у тебя не сплошная.

– А какая же у меня кровать? – говорит Толик. Маша тоже остановилась и говорит:

– У тебя кровать надутая.

– Глупости какие! – говорит Толик. – Как это может такое быть, что она, мячик что ли?

– Она не мячик, – говорит Маша, – но тем не менее она надутая. Вот эти железки, они ведь внутри пустые. А якорь мой весь внутри полный. Он не надутый, если ты хочешь знать!

– Ржавый твой якорь! – говорит Толик.

– Надутая твоя кровать! – говорит Маша.

– С разбитого корабля твой якорь! – говорит Толик.

В это время шла мимо старушка. Она несла в сумке бананы. Старушка с бананами говорит:

– Положите вы на кровать этот якорь. И вместе всё это тащите.

Но Толик сказал:

– Это мой металлолом.

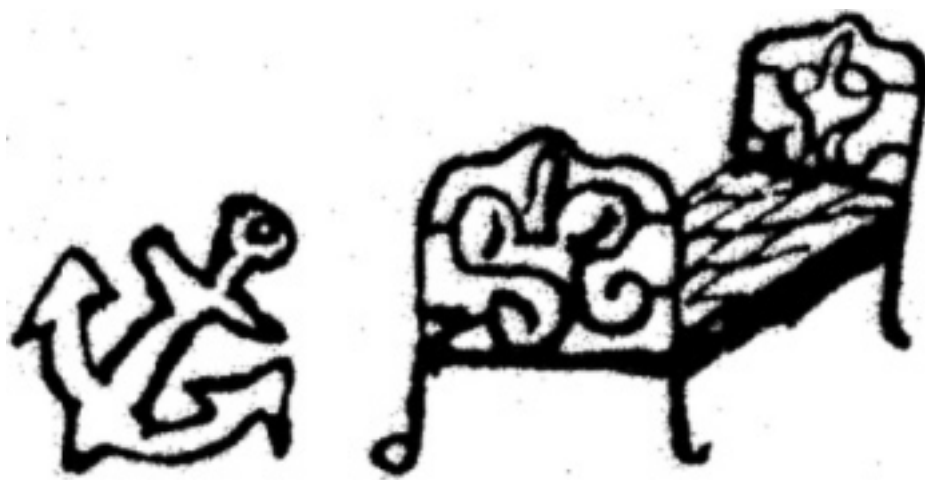
И Маша сказала:

– Это мой металлолом.

– Ах, вот оно что! – сказала старушка. – Я этого и не знала. – И она ушла.

А Толик с Машей сначала удивились, почему так сказала старушка, а потом удивились, почему они так сказали старушке, потому что не важно, чья это кровать и чей якорь. Потому что это для всех.

И они так и сделали, как им сказала старушка с бананами.

Как я всех обмануть хотел

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я всё-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был не настоящий. Это я промокашку под щёку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорудил – вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я всё нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

– Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведёркина как заорёт:

– Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

Как тётя Фрося разрешила спор

Заспорили во дворе ребята, кто больше всех загорел за лето.

– Я больше всех загорел, – сказал Вова.

– Нет, я, – сказал Петя.

– У тебя уши белые, – сказал Вова.

– Уши не в счёт, – сказал Петя, – я в шляпе ходил.

– Нет, в счёт! Ты без ушей загорал, а я вместе с ушами! Значит, я больше всех загорел.

Кого хочешь спроси.

Спросили Лёшу.

– Больше всех я загорел, – сказал Лёша.

– Ты не загорелый, а грязный.

– Сами вы грязные!

– Кого хочешь спроси, каждый скажет: ты грязный.

Спросили Алика.

– Больше всех я загорел, – сказал Алик.

А тётя Фрося сказала:

– Какие вы все загорелые!

И никто больше спорить не стал.

Чего зря спорить!

Кому что удивительно

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» – даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

«Подумаешь! Ну и что же? Во уж не удивительно!»

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

– Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

Судьба одной коллекции

Собирать, конечно, всё можно. Что хочешь, то и собирай. Хочешь, сначала собирай – потом не собирай. Хочешь, марки собирай, хочешь – спичечные коробки, хочешь – камни. Хочешь, собирай всё вместе: камни, марки, коробки и ещё что-нибудь в придачу. Это, как говорится, дело личное. Натаскай себе разных булыжников в комнату и живи в своё удовольствие! Если только мама позволит. Хотя камни бывают разные. Некоторые камни полезно собирать. Марки тоже полезны. Знакомишься с разными странами, королями, президентами; сталкиваешься, если можно так выразиться, с историей, географией. Полезно собирать книги. Про книги и говорить нечего. Тут пользы – масса. Опять-таки если читать их. А если так, на полке стоят, пользы тоже немного.

Одна девочка, Маша Мишкина, собирала фотографии артистов. Ничего в этом плохого, безусловно, нету. Но говорить о пользе тут тоже трудно. Ну какая тут может быть польза? Разве только сказать при случае: «А как же! Я этого артиста знаю. У меня есть его фотография». На это можно ответить: «Ну и что же?» На свете есть куда более полезные вещи, чем эти фотографии.

И вот эта девочка Маша насобираала ужасно много фотографий артистов. Собирать уже вроде некуда – стены все в фотографиях, альбомы полные. Родители смотрят на это безобидное занятие и про себя думают: «Ну и слава Богу, наша дочка занята делом». (Хотя никакого дела здесь, безусловно, нет.) Только иногда отец скажет: «Опять вокруг какие-то незнакомые лица». На это дочка ему отвечала: «Эх ты, папа! Как же ты их не знаешь?! Их каждый знает!» И отец даже немного конфузился после такого ответа.

Он был занятой человек, директор какого-то крупного учреждения, и его не очень-то радовали эти фотографии. Поскольку они ему ни о чём не говорили. Но против он тоже не был. Он просто был безразличен. Только когда он уставал, эти фотографии его раздражали. Но это бывало редко. В основном он был крепкий человек и почти не знал усталости. А Машина мама – наоборот, она даже радовалась, что у её дочки столько фотографий, гораздо больше, чем у других детей. А Маша видит такое дело – всю жизнь старается. Большого успеха она достигла, меняя одни фото на другие. К примеру: «Вот вам такой артист, а вы мне дайте такого». Или: «Я вам двух этих, а вы мне двух тех». Она не очень-то хорошо знала фамилии артистов. Одних она, правда, видела в кино, а других и вовсе нигде не видела, но если ей говорили, что это именно артист, а не какая-нибудь другая личность, она моментально загоралась приобрести эту фотографию. Один мальчишка предложил ей несколько карточек своих старших братьев, уверяя её, что это артисты. И она за эти фотографии отдала ему несколько книг, в том числе «Моби Дик, или Поиски белого кита» и «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Она методично писала письма в различные советские и иностранные журналы с просьбой выслать ей фотографии артистов. Хотя каждому ясно, что журналы существуют не для этого. Своими письмами она отвлекала людей от работы, занимала их золотое время. Получая такое пустячное письмо, работник издательства разводил руками и, наверное, возмущался.

Несмотря на то что ни один журнал ей ничего не прислал, она насобираала столько этих фото, что можно удивляться. В итоге у неё появилось по нескольку одинаковых артистов: шесть одних, пятнадцать других, двадцать пять третьих. Это уж вроде совсем ни к чему. Но она не останавливалась. В любом деле трудно остановиться, если оно тебя захватывает. Хотя каждому ясно, что эта меняловка бессмысленна. А она за одной какой-то фотографией обегала весь город и даже собиралась просить отца, чтобы он взял её с собой в Москву, когда поедет в командировку. Отец как-то невнимательно отнёсся к этой просьбе, и она, может быть, именно из-за этой фотографии осталась на второй год. Она потратила уйму времени, чтобы достать её в своём родном городе. Для родителей это было полной неожиданностью, но они пока не пони-

мали причины. Вскоре и родители увидели некоторую неприятную сторону этой коллекции. Самые любимые и ценные семейные фотографии: отец с матерью на фоне орла в Ессентуках, мать по горло в воде в Японском море, отец на лошади с шашкой в период гражданской войны, дед с Георгиевским крестом, бабка с девятью детьми – все эти редчайшие семейные фотографии были выкинуты из альбома и неизвестно куда делись. На их месте появились совсем не знакомые отцу люди. У родителей даже слёзы появились на глазах. И они прямо спросили её, куда она дела семейные фотографии. А Маша, не понимая их расстройств, говорит: «Неужели вы не видите, что эти снимки гораздо ценнее ваших?» Тогда рассерженный отец хватает у неё этот альбом и кидает его в форточку. Во время полёта десятки фотографий выскакивают из альбома и летят по воздуху, кружась и перевёртываясь. Потом альбом приземляется во дворе, а за ним многочисленные фото. Маша всё это видит, и сердце у неё захватывает от такой ужасающей картины. Отец говорит ей: «Чтобы больше я не видел у себя этих незнакомых лиц!»

Маша в слезах бежит во двор, но альбома там не находит. Только одна карточка не очень популярного артиста валялась на песке. А когда она возвратилась, рассерженный отец посрыл со стен ещё несколько фотографий.

Но, как ни странно, это на неё не подействовало. Она не собиралась расставаться со своей коллекцией. Она продолжала её пополнять с ещё большим рвением.

Альбомы с фотографиями и солидные пачки, перевязанные бечёвкой, она прятала в какие-то тайники, которые ни одна живая душа не могла бы найти, не говоря уже о родителях. Когда родители уходили, она бросалась к своим тайникам и пересчитывала, перекладывала свою ценность. Дел у неё по горло было, как видите. Отдохнуть ей было некогда. Всё время она узнавала, что существуют какие-то фото, которых она не имеет. Никакого конца видно не было.хлопот у неё не убавилось, а, наоборот, как бы это сказать, прибавилось.

У неё вся жизнь как-то боком пошла. В кино она не ходила. В Театр юного зрителя не ходила. В зверинец не ходила. В музеи не ходила. Никуда она не ходила. На футбол и подавно не ходила. В школу тоже почти не ходила. Иногда появлялась, правда, но очень редко.

Её взгляд устремлён был вдаль – пустой, странный взгляд. Там, вдали, ей, наверное, чудились какие-нибудь редкие фотографии артистов, которые она не успела приобрести...

Мы не знаем, чем всё это кончилось. Может быть, она приобрела ещё несколько экземпляров для своей коллекции...

Но потеряла она гораздо больше.

Удивительная профессия

Как только погас у нас в комнате свет, к нам сейчас же стали стучать соседи. Они спрашивали: «Что такое?» Мы с мамой тоже пошли стучать к соседям и спрашивать: «Что такое?»

Но никто ничего не знал, и все только спрашивали: «Что такое? Что случилось?» Только один дядя Яша сказал:

– Ничего не случилось. Погас свет – и всё. Перегорели пробки.

Все собрались на улице возле подъезда.

– Вот ещё новость!

– Как это так! Никогда так не было!

Все говорили, что дело не в пробке, а где-то в сети, а я спрашивал, где эта пробка и сеть, но мне никто не ответил.

Дядя Яша пошёл звонить монтерам, а все стали говорить, как погас свет.

Тётя Ньюша сказала:

– Вы знаете, как только это случилось, моя кошка кинулась в кухню и съела там свежую рыбу.

Тётя Женя сказала:

– Вы слышите? Это кричит мой ребёнок. Он будет кричать, пока свет не зажгут.

Тётя Ира сказала:

– Не верится, что раньше жили без света. С какими-то свечками. С лампами, которые коптят. Жили в каком-то жалком мерцании. В каких-то потёмках.

Наша бабушка сказала:

– Как же, помню! Ещё как помню! И ламп-то у нас не было. Темень. Мрак. Ничего не видно.

Бабушка наша жила при царе. До сих пор возмущается царским режимом. Как начнёт – не остановится. Но тут монтеры приехали.

Я смотрю, как будут свет зажигать. Интересно ведь!

Подъезжает к столбу машина. Вместо кузова круглый такой балкончик. В этот балкончик залез монтер. И балкончик стал вверх подниматься. Монтер добирается до проводов. И что-то там с проводами делает.

И загорается свет во всём доме.

Монтер говорит:

– Всё в порядке!

Наша бабушка говорит:

– Удивительная у вас профессия!

Монтер говорит:

– Это дело простое...

Тётя Ира говорит:

– Замечательное ваше дело!

Тётя Женя говорит:

– Вы слышите? Мой ребёнок смеётся.

Тётя Ньюша говорит:

– Зашли бы в гости. Я для вас свежей рыбы нажарю.

Монтер отвечает:

– Я рыбу люблю. Но нас ждут в другом доме.

И он уезжает в своей машине.

Я смотрю вслед и думаю: «Вот бы мне ездить в такой машине! Я нёсся бы во весь дух по улицам. Я просил бы шофёра: „Скорей! Скорей!“ Мы обгоняли бы все машины. Даже, может

быть, пожарную машину. И люди бы, глядя на нас, говорили: „Смотрите! Смотрите, монтеры едут! Удивительная у них профессия!“»

Карусель в голове

Карусель в голове

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколёсный велосипед, пистолет-пулемёт на батарейках, самолёт на батарейках, летающий вертолёт и настольный хоккей.

– Мне так хочется иметь эти вещи! – сказал я отцу. – Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

– Держись, – сказал отец, – не упади и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

– Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

– Пиши, – сказал отец, – тебе ведь это ничего не стоит.

– В общем-то ничего не стоит, – сказал я, – только лишняя морока. – И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ
САМАЛЁТ
ВИРТАЛЁТ
ХАКЕЙ

Потом подумал и ещё решил написать «мороженое», подошёл к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочёл и говорит:

– Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождём.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

– До которого часу?

– До лучших времён.

– До каких?

– До следующего окончания учебного года.

– Почему?

– Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали.

Не-а...

Неимоверная чёлка закрывала глаза мальчишки и половину носа.

– Не мешает тебе чёлка? – спросил я.

– Не-а.

– Меня видишь?

– Не-а.

– Значит, ты даже не видишь человека, с которым разговариваешь?

– А я изредка дую на неё, и она подпрыгивает. – Скривив рот, он дунул снизу вверх, и чёлка подпрыгнула.

– И часто дуть приходится?

– А что?

– Не устаёшь?

– Не-а.

– С утра до вечера дуть на свою чёлку, с ума можно сойти!

– Зато когда бежишь во весь дух, она сама разлетается в разные стороны, – похвастал он.

– Ну а когда спокойно идёшь?

Он пояснил:

– Тогда встряхиваешь головой в такт шагам, и чёлка назад отлетает.

– И обратно не прилетает?

– Я вам серьёзно говорю.

– Но нельзя ведь всё время трясти головой!

– Почему нельзя?

– Голова заболит от непрерывных трясок.

– Не-а.

– Да и неудобно. Сзади, предположим, волосы тебе не так мешают, а за столом, наверное, в тарелку твоя чёлка попадает?

– Два раза в суп и три раза в кисель...

– Ну и как?

– Смешно.

– Неужели?

– А что?

– А если ты читаешь, пишешь за столом, тебе чёлка не мешает?

– Не-а.

– Как же ты с ней обходишься в это время, опять дуешь?

– Читаю я в кровати, а когда пишу, одной рукой чёлку придерживаю.

– Ну и ну!

– А что?

– А телевизор когда смотришь, дуешь, держишь одной рукой или головой всё время тря-
сёшь?

– Тогда я высоко поднимаю голову, затылком упираюсь в стену и сверху вниз смотрю, что показывают.

– И видно?

– Ну, не очень. А что?

– Тряс головой бы тогда и дул.

– От тряски экран мелькает. А дуть к вечеру я уже больше не могу...

– Сознался хоть.

– А что?

– М-да... Много у тебя хлопот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.